Андрей Дегтярев

ХОЖДЕНИЕ ПО СУДЬБАМ

Андрей Дегтярев

Хождение по судьбам

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Дегтярев А. Н.

Хождение по судьбам / А. Н. Дегтярев — Издательство «Четыре», 2026

ISBN 978-5-908165-64-8

Эта книга — история одной жизни, где соавторами невольно стали и друзья и недоброжелатели. О том, как присутствие других людей в душе способно выплеснуть наружу то, что копилось годами. Исповедь перед теми, кого любил, и теми, кто ненавидел. Потому что без них эта книга бы не родилась. В книге присутствуют сцены распития алкоголя.

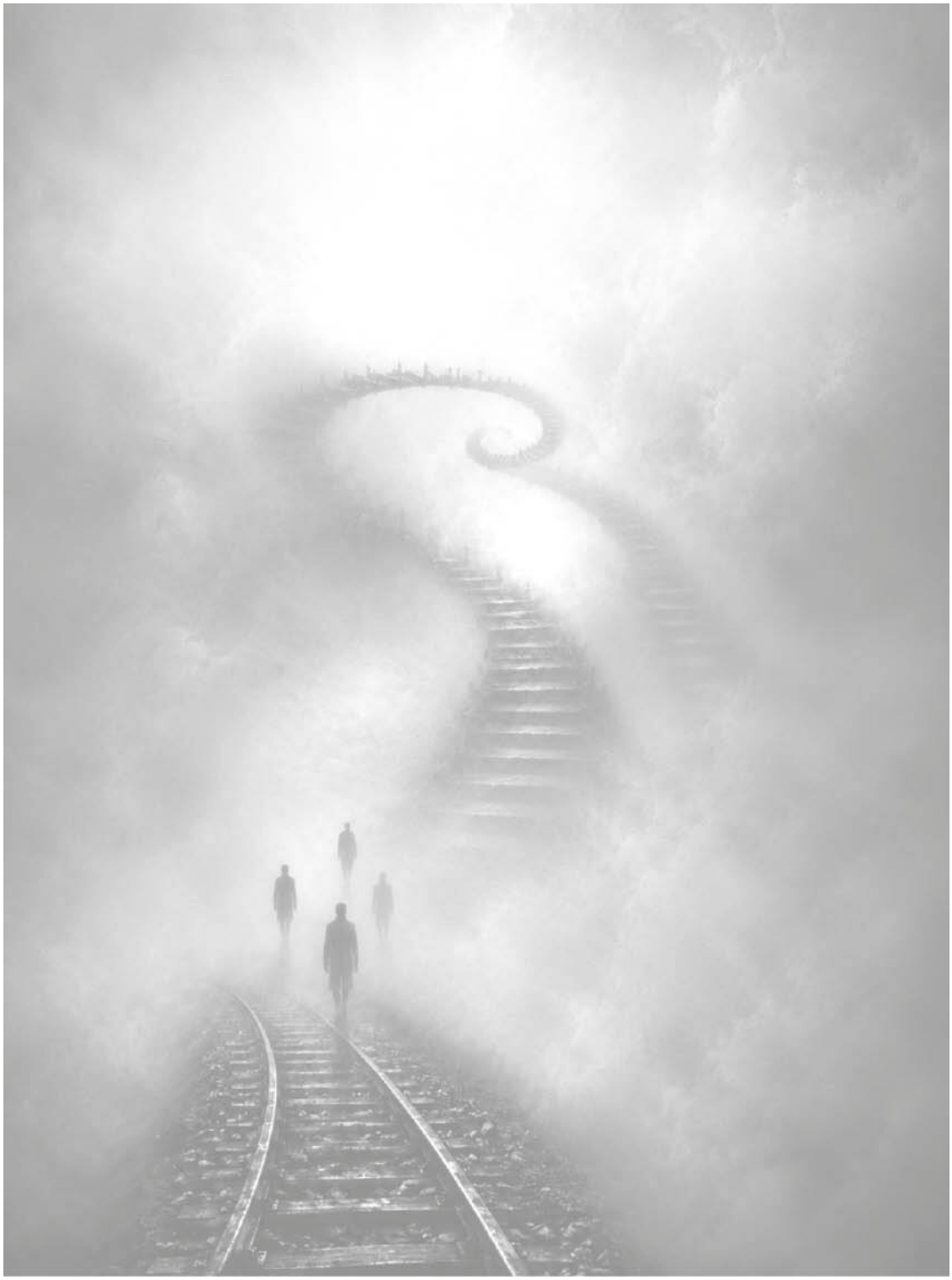
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908165-64-8

© Дегтярев А. Н., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Ёшка 6
Ёшка. Возвращение в себя 9
Ёшка. Возвращение домой 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15



Андрей Дегтярев
Хождение по судьбам

© А. Дегтярев, текст, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Ёшка

Он звал себя Ёшка. Конечно, никакой он не Ёшка, а Алексей. Это потом, после трагического случая, он стал перевирать имя и Лёшка стал Ёшкой. А до этого ребёнок с наигранной взрослостью мог, например, выдать: «Алексей Иванович». Так нарекли мальчишку при рождении.

Отца у ребёнка не было, а были мама и тётя, мамина сестра.

Женщины радовались, что в семье появился мужчина. Жили они в старом частном доме, доставшемся им от родителей, которые рано ушли в мир иной. Сёстры так и не вышли замуж. Лишь та, что помладше, сумела родить малыша. Тема эта не обсуждалась, но поездка в отпуск к морю имела вот такие последствия.

Отчество решили дать по имени деда, которого мальчик ни разу не видел.

Ёшка рос в строгости. Хотя какая строгость может быть, когда живёшь с двумя одинокими женщинами? Конечно, никто не целовал ребёнка в попу, но и давления со стороны этих особ он не испытывал. Рос, как все, на улице, с такими же пацанами, как и он сам. Играли в войну, бегали с мячом, учились, как могли.

Старшая из сестёр работала в круглогодичном санатории неподалёку от дома, по ту сторону второго холма.

Холмов, на которых располагалось их обширное село, было три. В народе их прозвали «Холмогоры». Нет, не те Холмогоры, что в Архангельской области, а свои. А село называлось Зазывное. Оно раскинулось на тех самых трёх холмах, уходящих своими основаниями в широкую реку Искру, по другую сторону которой простирались заливные луга. А тут, на зазывном берегу, холмы поднимались ввысь аж на целых полкилометра, и все три были усеяны домишками. Разными, но во многом старого купеческого типа, с кирпичным первым этажом для провианта и жилой деревянной надстройкой на втором этаже, реже – на третьем.

Нет, конечно, не все дома были такими. Имелись и обычные деревенские домики, но обязательно со своим двором и огородиком. Там, наверху, на плоских макушках холмов, у многих были свои сельскохозяйственные участки, где выращивали и овощи, и ягоду, и плодовые культуры. Воровать было не принято. Так, изредка, наделы подвергались набегам местной детворы, поротой потом отцами.

Были в селе и магазин, и площадь базарная. Та работала для покупателей, прибывающих на круизных теплоходах, следующих вверх и вниз по течению.

Рыбалка и копчение были основными видами деятельности местного населения. Запах копчёной рыбы не выветривался с пристани даже зимой. И ещё одна причина заставляла причаливать к Зазывному – это бювет с минеральной водой.

Никто уже и не помнил, что появилось раньше: санаторий, расположенный тут же, или бювет. Но экскурсоводы обязательно водили туристов попить водички, предлагали купить какой-нибудь сувенир в виде допотопных крашеных куколок и приобрести копчёную рыбёшку, затарившись пивом в местном магазине.

Лето, да и вообще весь сезон навигации, позволяло селу жить в режиме пополнения бюджета. Зимой отдыхали от забот.

Только посетители санатория вносили некоторое оживление в сонное царство. Хотя отдыхающих было немалое количество и зимой и летом.

Тётка нашего Ёшки как раз и работала в данном заведении в должности повара, поэтому с питанием в семье всё было хорошо. Когда-то и мать мальчика работала там же, только рангом была повыше – главным бухгалтером. Но случилось непредвиденное: её судили за хищение средств, женщина получила реальный тюремный срок. А дальше и того хуже: она вовсе пропала из жизни обоих наших героев, Ёшки и его тётки.

На все запросы в соответствующие инстанции приходил один и тот же ответ: «Адресат выбыл в неизвестном направлении».

Так и остались они вдвоём в их теперь казавшемся большим доме. Но бе́ды на этом не кончились. В одну из не очень морозных зим мальчишки, игравшие в хоккей на покрывшейся льдом реке, чудом спасли провалившегося под лёд Ёшку. Тогда ещё Лёшку. И всё бы ничего: вытащили и на санках домой привезли. И тётка отпоила и вы́ходила заболевшего теперь уже её сына. Да вот беда: мальчуган – видимо, от испуга – тронулся умом, как судачили соседи. Не сказать чтобы совсем. Но пенсию по инвалидности ему назначили. Школу пришлось бросить. Нет, тётя учила его сама и раз в полугодие ходила с ним сдавать контрольные тесты, поэтому аттестат о среднем образовании мальчику был обещан. А вот что делать дальше, пока никто не знал.

Парень увлекался рисованием, любил подолгу собирать из спичек дома́, сидя за столом у тёплой, ещё прошлого века изразцовой печи. Вообще-то во все дома был проведён газ, притом ещё в незапамятные времена. Но Ёшке с тётушкой нравилось топить печь и, подходя к ней, прикасаться к её горячим бокам, поэтому женщина заказывала дрова, которые складывали в сарай. Был у них и кот, большой и ленивый, как говаривала хозяйка. Так и жили они втроём.

Мальчишка частенько бегал рисовать с натуры. Ради этого Анна Сергеевна – так звали тётку мальчика – купила ему мольберт. И он, как заправский художник, располагался где-нибудь на косогоре и делал зарисовки природы, села, реки с пароходами.

Никто из местных никогда не подтрунивал над ним. Все знали его, а он помнил их. Одного только не позволял себе парень – носить чужие вещи. Люди сердобольные пытались делиться чем могли, но он напрочь отвергал такую помощь и носил только то, что было куплено совместно с тётей в магазине. В этом его нельзя было переубедить.

В сезон навигации Ёшка, как и другие, подрабатывал продажей всяческих безделушек, а вырученные деньги отдавал Анне Сергеевне.

Жизнь протекала размеренно. Парень взрослел, а его тётка не молодела, как она любила иногда говорить. Бывали нечастые гости из её круга общения. Родственников у них не было никого. Жили скромно, но дружно. И хоть парень был инвалидом, чувства, присущие человеку, не обошли его стороной. Иногда в порыве нежности он клал голову тётке на колени, садясь на пол, а она бесконечно долго гладила его по голове, негромко напевая.

Он не стеснялся ходить на этюды. И хотя рисовал вовсе не то, что находилось перед ним, а видимое только ему, никто не насмехался над ним. Местные пацаны, с которыми он рос, старались защитить парнишку от невзгод. Это была их плата за его болезнь. Да и всё село вело себя с ним так, будто ничего не произошло.

Конечно, мальчик понимал свою ущербность и отказывался участвовать в общих играх, но по его глазам было видно, что он ценит доброе к нему отношение. Он был своим везде.

Как-то раз Ёшка расположился на среднем холме, где местные соорудили беседку для отдыха и созерцания величия реки, холмов и уходящей в дымку дали. Он установил мольберт, как всегда, немного поодаль от дорожек, дабы любопытные, если таковые появятся, не мешали ему, и начал набрасывать на холст яркие краски лета, хотя на дворе стояла зима. День был солнечным и не очень морозным. В кустах щебетали и щеголяли ярким оперением пузатые красавцы снегири.

А Ёшка изображал лето. Ну, так ему сегодня хотелось.

Вдалеке послышался негромкий гул автомобиля. Мальчик напрягся и нахмурился, но поворачиваться не стал. Автомобиль остановился. Открылась и мягко хлопнула дверца. Потом другая. Был слышен приглушённый разговор. Потом раздались шаги и ещё какой-то звук. Они не приближались, а обходили его стороной.

Парень не выдержал и, продолжая хмуриться, скосил глаза в сторону. Его рука застыла.

Сбоку от него стояли двое. Вернее, стоял один – мужчина примерно тех же лет, что и его тётка. Он держал ручки инвалидной коляски, в которой сидела девчонка в спортивном костюме ярко-красного цвета и белой шапочке с помпоном. Оба молча смотрели вдаль. Потом девочка что-то стала говорить, а мужчина – как оказалось, это был её отец – тихо отвечал, наклоняясь к ней. Потом девочка посмотрела в сторону нашего героя, и следом за ней то же самое сделал мужчина. Возникла небольшая пауза, а затем послышались приближающиеся шаги.

Ёшка развернулся лицом к идущему, закрыв собою мольберт.

Мужчина остановился, не доходя до мальчика:

– Молодой человек, не могли бы вы разрешить моей дочери посмотреть вашу работу? Она тоже любит рисовать.

Ёшка думал. Ему впервые приходилось принимать решение, касающееся других людей. Ещё немного поколебавшись, он отошёл на три шага, давая понять, что согласен.

Мужчина, поблагодарив его, подскочил к коляске и подвёз её к мольберту.

Девочка сразу оживилась. Она что-то произнесла, и мальчик понял, что она обращается именно к нему. Со стороны кто-то другой и не разобрал бы, что она сказала, но Ёшка понял её.

Он подошёл к ней и подвинул коляску к мольберту. Девочка ещё что-то сказала, и юный художник подал ей кисть и палитру.

Девчонка снова заговорила, и он выдавил ей немного красок.

Девочка начала уверенно наносить мазки, посматривая вдаль, хотя на полотне буйствовало настоящее лето.

Мужчина стоял в стороне и молчал, незаметно смахивая ненароком накатившие слёзы.

Дети увлеклись, и только лёгкое покашливание остановило их. Елена – так представилась девочка Ёшке – произнесла фразу, и парень стал собирать мольберт. Он молча снял картину и передал её девочке. Та, обернувшись к отцу, расцвела в улыбке.

Мужчина подошёл к ним. Посмотрев на холст, сказал, что доволен их совместной работой, и предложил Ёшке подвезти его до дома. Парень, немного подумав, согласно кивнул.

Ехать было недалеко. Машина остановилась рядом с домом. Пока Ёшка выбирался, из ворот вышла его тётка с платком на плечах и в валенках, настороженно посматривая на незнакомую машину. Отец Елены шагнул навстречу женщине и поздоровался. Они разговорились.

Ёшка открыл заднюю дверь автомобиля и подал девочке руку. Та протянула свою. Парень нагнулся и поцеловал ей пальцы. Оба весело засмеялись.

Тётушка, спохватившись, суетливо предложила зайти в дом на чай. Мужчина пытался отнекиваться, но Елена что-то сказала, а Ёшка многозначительно поднял палец вверх. Вопрос был решён.

Они пили чай с выпечкой, как будто специально к этому случаю испечённой Анной Сергеевной. Топилась печь. Кот сидел на коленях у девочки и мурлыкал.

Это не должно было закончиться просто так. Такие встречи не могут быть случайными. И провидение не оставило шансов на другой исход. Несчастье объединило этих людей в одну семью. Это было справедливо по отношению к ним. На картинах детей теперь постоянно присутствовало солнце.

Ёшка. Возвращение в себя

Как и было уготовано судьбой, они съехались. Отец девочки, Александр Иванович, настоял на их переезде. Поселилась будущая большая семья за много десятков километров от Ёшкиного и Анны Сергеевны дома.

Притом что своё гнездо они передали под присмотр местного батюшки, настоятеля церкви Спаса Преображения, который и использовал данное жильё в паломнических целях. Анна Сергеевна, конечно, волновалась за их с мальчиком дом, но строгий настоятель не допускал какого-либо безобразия и строго следил с матушкой за порядком и чистотой. Люди приезжали в их «Холмогоры», как в простонародье местные звали своё село Зазывное из-за того, что расположилось оно на трёх холмах: кто помолиться – церковь местная была очень древней, намоленною, и судачили, что пришедшие к ней помолиться обретали жизненную стабильность и здоровье, а кто поработать над пейзажами или просто подышать и насладиться видами этого дивного края.

Наши герои разместились в довольно большом, можно сказать, даже огромном для их понимания замке. Местные жители частенько приходили к этому дому с детьми пофотографироваться на фоне Дома Сказки, как сами местные и прозвали это место. Александр Иванович оборудовал напротив небольшую парковую зону со скамейками и качелями и детскую площадку, куда мамаши водили на прогулку своих детей.

Улицу и площадку от дома отделял лишь кованый под старину забор, что не мешало приходящим фотографироваться на фоне дома.

Въезд и вход на территорию Александр Иванович сделал с обратной стороны, а с этой оставалась лишь небольшая калитка.

Вот в такой необычной, непривычной обстановке и поселились Ёшка и его тётя.

Поначалу Анна Сергеевна довольно напряжённо чувствовала себя на новом месте. Слишком большое пространство, у каждого своя комната, хотя там, в их родных «Холмогорах», у каждого из них тоже была своя маленькая комнатка.

Александр Иванович, видя состояние женщины, старался проводить время за разговорами и совместными прогулками с Анной Сергеевной. Как и везде, местное население, знавшее семью, жившую в Доме Сказки, начало судачить, что хозяин привёз новую жену.

После аварии, произошедшей некоторое время назад, и оставшись без жены, с дочерью, ставшей инвалидом, Александр Иванович, предприниматель от бога, как говорили о нём местные, сумел наладить быт. Если он уезжал по своим рабочим делам, то забирал дочь с собой. За домом присматривала соседская пара, жившая рядом с Александром Ивановичем.

Теперь всё должно было кардинально измениться, ведь теперь в доме появилась хозяйка, как сам сказал А. И., так в шутку он иногда называл себя – товарищ А. И.! А Анна Сергеевна, женщина простая, возьми и скажи ему, что И. А. гораздо симпатичнее, как из мультика про друга Винни-Пуха ослика Иа. После чего, поняв свою неуместную шутку, приложила руку к раскрывшемуся рту и покраснела. Александр Иванович, напротив, не только не обиделся, но, имея от природы задорный нрав, не остался в долгу, объявив, что глаза у Анны Сергеевны стали такими же огромными, как глаза у тётушки Совы из того же мультфильма. После секундной паузы оба уже громогласно смеялись, на шум тут же примчались дети и, ничего не понимая, влились в общую игру смеха.

Этот случай незаметно сблизил обоих взрослых. Они стали чаще появляться на людях, идя под руку, что позволило местным кумушкам прозвать их теперь Анной и Александром.

Хоть город был и небольшой, но, стоявший, как говорят, на развилке путей и имея глубокое историческое прошлое, привлекал к себе и туристов, и паломников с разных концов страны и даже света.

Анна Сергеевна пошла работать в столовую. Пошла делать то, что она умела лучше всего. Александр Иванович не стал перечить «жене», как вроде бы в шутку стал её называть. Мужчина, оказывается, уже делал предложение женщине в одну из их совместных прогулок, но та сказала, что просит его немного подождать с ответом. Она не готова была так сразу окунаться в новую для них с Ёшкой жизнь. Поэтому слово «жена», появившееся в их семейном лексиконе, пока не имело юридического подтверждения.

А что же дети? А дети всё видели и похихикивали над обоими взрослыми. Хотя и между ними, похоже, завязалось что-то такое, что было больше, чем дружба. Все заботы о Елене взял на себя наш юный герой, а та стала называть его не иначе как Лёша. По-своему, негромко, с трудом выговаривая слова. Мальчик сначала хмурился, но после того, как один раз она попросила его подойти к ней и что-то нашептала ему на ухо, при этом чмокнув того в щёку, парень, зардевшись, махнул в ответ молча головой и стал принимать это как должное. Ему, похоже, такое внимание стало приносить удовольствие. При каждом таком к нему обращении подбородок его немного задирался вверх. Выглядело смешно и забавно.

Дети при обоюдной свалившейся на них беде сплотились и уже не представляли себя друг без друга. Оба взялись за учёбу, да так, что директор местной школы посоветовал Анне Сергеевне отправить их учиться со всеми детьми, на что та ответила, что у них столько общих дел и идей, что им и так не хватает времени. Женщина немного лукавила. Александр Иванович часто уезжал по работе, и дети оставались на её попечении. И хоть она и ходила на работу, но у неё хватало времени проконтролировать их и, конечно, накормить. Поинтересоваться их делами и успехами. Директор согласился принимать обоих на тестирование их знаний при условии, что учителя будут направлять и контролировать такой процесс самообучения. С чем все и согласились.

Ох уж эти малые города нашей необъятной родины, со своей самобытной, тёплой, готовой отдать всё, что имеют, другому чертой. Учительствовать, лечить, да и просто жить в таких местах могут только те, кто готов на самопожертвование ради ближнего. А другие в таких местах и не приживаются. Здесь все близки, уважительны и добры друг к другу.

Жизнь заняла определённое направление в судьбе нашей описываемой семьи, и только Алексей и Елена умалчивали одну тайну, которую они тщательно пытались скрывать от окружающих и из-за которой им пришлось отказаться от предложения об учёбе со всеми детьми.

Алексей стал выхаживать девочку. Делать всевозможные упражнения, набравшись знаний на эту тему. Мальчик лично и подолгу занимался массажем каждого в отдельности пальчика на ногах и руках Елены, убеждая ту, что именно с этих мест придёт улучшение. Отец девочки много времени и денег отдал на восстановление дочери, но особых подвижек не наступало. Столпы науки разводили руками и советовали ждать. Они появлялись в доме от случая к случаю, пока не появились «Холмогорцы» и дело не сдвинулось с места. Да и дети не желали ничего ждать. Лена безропотно подчинялась всем требованиям, которые выдвигал Алексей. И её заветную тайну знал только вот этот мальчик, да и не мальчик уже впрочем, юноша, а можно сказать и более, мужчина. Девочка хотела сама, своими ногами дойти до могилы мамы. Это была её единственная мечта. Алексей выдал Елене тираду, мол, это он и его тётка, придя в дом Елены, привели с собой чудо. А чудо и в самом деле стало проявляться в том, что в один из дней парень увидел свою пассию стоящей на кухне и держащейся руками за стол, с горящими с лукавинкой глазами. Мальчик хотел что-то сказать, но девочка, протянув руку открытой ладонью вперёд, дала ему знак помолчать и через мгновение выдала следующее, причём вполне членораздельно: «Алексей поднял Елену на ноги, а Елена заставила Ёшку стать Лёшкой». И замолчала. Пауза затянулась. Их глаза смеялись друг другу, и, не сдержавшись, дети расхохотались. Лёша подскочил к Елене и, подхватив ту, уже оседавшую от усталости, аккуратно усадил на стул, а не на кресло-каталку, стоявшее рядом, взял её руку и стал нежно целовать. Елена

молча смотрела на парня, и только слёзы лились из её глаз по щекам, капая с подбородка на кофточку.

За этим занятием и застала их Анна Сергеевна, вошедшая в назначенный час, чтобы покормить своих шалопаев, как она про себя стала называть обоих детей. Теперь уже своих. Она очень была благодарна девочке, что та приняла её как свою в их с отцом доме. Женщина, не раздеваясь, осела на стул, не выпуская сумок с провизией, напротив обоих и молча стала смотреть на них. Алексей встал и, повернувшись к женщине лицом, произнёс:

– Это моя невеста, ма…

– Ма!!! – Это было полной неожиданностью для женщины. Он никогда так её не называл. Только тётка. А тут на тебе поворот событий.

Взяв себя в руки, женщина решительно, возможно, плохо скрывая удивление, сказала:

– Ну что, дети, вот и хорошо, а пока давайте обедать. – И, нарушив все устоявшиеся традиции не кушать в обед дома, так как, будучи поваром, всегда была сыта, – как она сама и говорила, села с детьми и отобедала с ними.

Потом, заторопившись и бросив в воздух, чтобы дети убрали со стола и помыли посуду сами, уже собралась уходить, как услышала за спиной:

– Хорошо, ма…

Женщина остановилась в проходе двери и обернулась к тому, кто это произнёс. Это была Елена. Та стояла, опёршись руками о стол, и весело улыбалась. Женщина бросилась к детям и, обняв обоих, заплакала. Эти трое ещё не видели, что там, в дальнем конце холла, стоит четвёртый, выронивший из рук кучу коробок и пакетов и молча смотрящий на открывшуюся ему картину. Он видел бегущую домой Анну Сергеевну и, решив подождать немного, чтобы дети спокойно поели, зашёл в дом чуть позднее и тоже стал свидетелем чуда.

Немного придя в себя, мужчина вошёл в кухню. Даже воздух остановил своё движение. Всё замерло перед тем, как рвануть невероятным разрывом эмоций. Все одновременно и плакали, и смеялись, и говорили без умолку, перебивая друг друга, а чудо стояло невидимое в сторонке и, слегка улыбаясь, умилялось своей работе.

Потом была скромная роспись, где дети стояли недалеко от родителей, держась за руки. Город приписал этому событию своё объяснение. Это волшебный воздух здешний смог совершить такое диво. Пусть так. Эта история заняла прочное место в летописи городских событий. И не важно, что стало толчком для этого. Главное, что чудо произошло.

А значит, чудеса случаются.

Может, просто необходимо лишь только очень захотеть?

У церкви Спаса Преображения, утопающей в зелени села Зазывное, в народе «Холмогоры», остановилась машина. Из неё вышли двое: он и она. Он – худощавый, прямой, с весёлыми искорками в глазах, с копной длинных волос. Такого можно было принять за художника или поэта позапрошлого века. Рядом с ним стояла девушка, такая же прямая и гордая, немного опирающаяся на трость, которую держала в руке. Другой держала под руку молодого человека.

Оба щурились, глядя на величие белого, как снег, храма. Вдруг зазвенели колокола, из церкви стали выходить люди, недоверчиво и с любопытством смотрящие на стоящую молча невдалеке пару. Никто не расходился. Все ждали выхода настоятеля храма, чтобы послушать его напутственное слово. Так было заведено в посёлке им самим. К этому времени к церкви спешил и праздный народ, следовавший с причалившего парохода, испить из местного источника, закупить чего-либо вкусненького да посетить старый храм. Были и те, кто отдыхал в местном санатории и не ходил на службы по бог знает каким причинам. Народу собиралось много, что создавало праздничное настроение у присутствующих. Вышел настоятель и стал спускаться по лестнице. В какой-то момент отец Александр остановился на полпути. Солнце слепило ему глаза, и он не мог нормально разглядеть всех тех, кто стоял внизу в ожидании

проповеди. А самое главное, он хотел разглядеть тех двоих, что так вызывающе стояли прямо напротив церковной лестницы, окружённые людьми. От этих двоих веяло задором и непокорностью. Они смотрели прямо на настоятеля, особенно этот парень. Он просто сверлил настоятеля взглядом, и отцу Александру было немного не по себе. Сделав ещё несколько шагов вниз по ступеням, настоятель остановился, делая вид, что немного запыхался. Телосложения он был грузного, да и возраст давал о себе знать. На самом деле он просто пытался вспомнить. Батюшка уже осознал, что тот, кто устремил на него свой взгляд, знаком ему, но никак не мог припомнить этого парня. Солнце зашло за тучку, и в тот же миг батюшка узнал того, кто стоял напротив, – Ёшку, Алексея, сына Анны Сергеевны. Он с невиданной для настоятеля прытью преодолел оставшиеся ступени и, раскинув руки, подошёл к молодой паре.

– Алексей Иванович! – пробасил отец Александр и обнял молодого человека. – Что же вы, миряне! – продолжил он, повернувшись к людям, – Ёшку нашего, Алексея Ивановича, не признали? Сына Анны Сергеевны!

Толпа заволновалась, как волны реки после прохода парохода. Алексей, немного стесняясь, стал кланяться кивком головы по сторонам. Послышались выкрики:

– Это же наш Ёшка! А мама-то твоя где, парень?

Хлопнули дверцы машины, стоящей неподалёку. Толпа раздвинулась, как по команде, и к детям, улыбаясь, проследовала Анна Сергеевна под руку со своим супругом. Настоятель сиял от счастья. Приобняв Анну Сергеевну и Александра Ивановича, произнёс:

– Нынче мы стали свидетелями чуда Господнего. – Он показал рукой на стоящих перед ним счастливых людей и выдал лучшую, по свидетельству местных жителей, проповедь. Потом были обнимания и рукопожатия со знакомыми и не очень, в атмосфере витала благодать. Вечером пили чай в их старом доме. Сейчас он уже не выглядел таким, как раньше. Александр Иванович взялся за ремонт этого дома, когда бывал здесь наездами – они иногда приезжали в своё родовое гнездо, как говорила Анна Сергеевна. И, сперва прикинув объём работы, Александр Иванович справился с поставленной себе задачей, а после помог и церкви Спаса Преображения. Отец Александр молча смотрел на этих людей, сидя со своей матушкой за столом теперь обновлённого дома, и думал: «Как же приятно на душе, когда видишь перед собой счастливых людей. Душа поёт только от того, что глаза горят у тех, кто ещё не так уж давно жил в другой реальности». Батюшка нисколько не сомневался в персте Господнем, накрывшем этих счастливчиков. Он задумался о родине, о себе, о людях, приходящих к Богу. Гордость распирала отца Александра за то, что именно на этой земле живут все эти миряне, именно эта страна стала для них родной, именно эта вера, слово о которой он неустанно несёт в массы, живёт в каждом из них. Он был счастлив лишь только потому, что видел перед собой настоящее чудо. Чудеса случаются, и он, отец Александр, был тому свидетелем.

Ёшка. Возвращение домой

Время неумолимо двигалось вперёд. Алексей, в прошлом Ёшка, и его любовь Елена, сдав экстерном экзамены за среднюю школу, уехали покорять мир. Он поступил в художественный колледж, она – в педагогический. С жильём проблем не было. Александр Иванович всё устроил, и молодая пара начала свою жизнь вдали от родителей, умудряясь подрабатывать, добывая дополнительные средства для жизни. Они не были стеснены в деньгах. Отец обеспечивал их быт, но дети хотели сами себя содержать и старались обходиться своим. Учёба ладилась. Каждый получал свой пакет знаний, надеясь в будущем применить их по назначению. Они наведывались на каникулах не только к родителям, но и в Зазывное, где отец Александр вёл с ними долгие беседы о жизни и Боге. Алексей и Елена уверяли батюшку, что как только придёт пора, они распишутся и приедут к нему венчаться. Настоятель не давал им советов, считая, что эти двое достаточно нахлебались горя, чтобы фантазировать в юном запале. Он верил им и знал наверняка, что так и случится. Природа требует своего, и Елена стала матерью распрекрасного мальчугана Михаила, аккурат после окончания учёбы и получения дипломов. Дети вернулись домой. Алексей пошёл работать в реставрационную мастерскую по сохранению и восстановлению храмовой утвари и икон. Елена с Анной Сергеевной взяли на себя все хлопоты о малыше. Жизнь размеренно продолжала свой путь. Время от времени они посещали могилу матери Елены. Молодая женщина любила бывать на кладбище, насыщаясь тишиной и молчаливым диалогом с той, которую любила. Палочка, помогающая ей ходить, осталась в прошлом. Ничто внешне не напоминало о той давней трагедии. Цветы в пределах могильной оградки никогда не вяли, являя этим некое единство дочери и матери. Молодые расписались на Красную горку и тут же убыли к отцу Александру, предварительно договорившись с ним об обряде венчания. Молодая семья обретала уверенность в собственном выборе и связывала себя клятвой преданности друг к другу. На этот праздник собралось всё население «Холмогор». Всем хотелось посмотреть на праздник, ведь такие вещи стали редкостью. Причём многие хотели прикоснуться к счастливой паре, видимо, как говорят, на счастье. Теперь их родители стояли там, где стояли они сами при росписи родных. Свадьбу играли в Зазывном. Оставив молодых в Ёшкином и Анны Сергеевны, а теперь их семейном доме, родители остановились у настоятеля. Гуляли под колокольный звон, который необычно долго разносился по самым далёким уголкам, где люди, не знавшие о празднике, удивлялись происходящему. Именно тогда у молодожёнов и зародилась мысль поселиться в селе навсегда. Дом был отремонтирован. Елена решила, что будет работать в школе, тем более что именно преподавателей в таких удалённых от центра цивилизации местах всегда не хватало. При всём этом девушка решила учиться и далее, чтобы получить высшее образование. Алексей не возражал и сам выразил желание найти себе место рядом с женой, если получится. Но пока надо было поднимать на ноги малыша, и помощь родителей в этом вопросе была необходима.

И вот Алексей и Елена прибыли в свои пенаты. Елена пошла работать, как и планировала. Алексей занимался тем же, чем и ранее, только лишь с разницей, что заказы ему доставляли в само Зазывное. В пределах храма с разрешения церковного начальства оборудовали мастерскую, где тот и продолжил под колокольный звон своё любимое занятие. Когда выпадало свободное время, они с женой, забрав с собой сына Мишку, выходили на пленэр. Работали над пейзажами в излюбленной для них ещё с детства манере – писать не то, что перед тобой, а то, что видит сердце. Алексей выставлял свои работы, которых накопилось изрядное количество, на всевозможных сайтах, предлагая их для выставок и аукционов. Но дальше небольшого показа в городке, где они до этого жили, дело не шло. Поэтому его работы заняли своё место в Доме Сказки у родителей, в краеведческом музее города, в фойе городской администрации, в школе и той самой мастерской, которую он покинул в связи с переездом. Городской храм,

получив одно из его творений, разместил его в церковной лавке, отец Александр получил в дар одну из его работ. Но в один из дней, не предвещавший ничего необычного, Александр Иванович получил звонок от главы администрации города. Они в это время сидели с Алексеем на берегу реки Искры и предавались любимому занятию – рыбачили – на очередные выходные вместе с Анной Сергеевной, они приехали к детям, и мужчины с утра потянулись к реке, а женщины решили заняться выпечкой и готовкой, намереваясь пригласить отца Александра с матушкой почаёвничать всем вместе. Мужчины намеревались наловить рыбки, а женщины пообещали приготовить из неё вкуснятину.

Александр Иванович перевёл звук на громкую связь, и Алексей стал свидетелем разговора. А дело заключалось в следующем: к ним прибыла делегация из Юго-Восточной Азии, и при посещении храма один из экскурсантов, зайдя в церковную лавку, заинтересовался висевшей там работой Алексея. А, посетив краеведческий музей, снова был поражён ещё одной картиной Алексея. Гость поинтересовался, где можно найти автора и, со слов переводчика, сказал экскурсоводу, что готов приехать в Зазывное посмотреть местный храм и познакомиться с художником.

Рыбалка отменялась. Мужчины, наскоро собрав то, что успели выловить, поспешили домой. Женщины, узнав новость, засуетились с удвоенной силой. Был оповещён отец Александр, который тоже принялся вместе с помощниками наводить лоск и так всегда аккуратно выглядевшему храму. Александр Иванович, пока Алексей готовил свои работы для показа, предложил председателю представить гостям не только храмовый комплекс, но и провести экскурсию к бювету с минеральным источником и на базарную площадь – за поделками.

Всё прошло как нельзя лучше. Гость, ознакомившись с работами Алексея, предложил организовать у себя на родине аукцион по их продаже.

Осмотрев достопримечательности и накупив всяких сувениров, экскурсанты уехали. Вечером только и было что разговоров о перспективах продвижения работ художника Ёшки, как он подписывал себя, далеко за пределами родины (иногда на работах можно было увидеть рядом с Алексеевой подписью витиеватую подпись Елены).

Шло время, и в один из дней к дому молодых супругов подъехала тонированная иномарка, более смахивающая на катафалк. Из неё вышли люди азиатской внешности в сопровождении женщины-переводчицы и, как потом выяснилось, городского нотариуса. Они прибыли забрать Алексеевы работы. После осмотра и выполнения всех формальностей в виде подписания документов приезжие взяли с собой почти всё, что предложил им художник.

Но Алексей не испытывал радости. Внутри его засела тоска по отданным работам. Елена пыталась взбодрить мужа разными уловками, но это не помогало. И только когда на электронную почту стали приходить письма и видео о судьбе его работ, парень немного оттаял. Появилась несколько наигранная высокомерность во взгляде и движениях – Алексей был горд тем, что он становился популярным.

Через некоторое время ему стали поступать солидные по местным меркам денежные переводы. Жизнь приняла совсем другой поворот.

Нехорошее произошло зимой, такой же примерно, как и та, когда маленький Алексей провалился под лёд. И в этот раз пацаны, но уже дети своих теперь взрослых родителей, гоняли по льду реки, играя в хоккей. Удивительно, но именно дети «холмогорцев» компьютерам предпочитали игры на свежем воздухе, и атаманом в их банде, как сами они и называли, соответственно, и Мишку, сына Алексея и Елены, и самих себя, был именно он. Зимой игры на реке, летом сплав на плотах, выдавая себя за Степана Разина и его войско. Первым, кто увидел разворачивающуюся трагедию, стал совсем уже старенький отец Александр, приучивший себя подниматься по лесенке на колокольню и, присев на табурет, созерцать открывающиеся взору дали, смотреть на гомонящих в страстной борьбе мальчишек, размышлять о жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.